

Лапин Борис Матвеевич

Тихоокеанский дневник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Матвеевич Л.**
Тихоокеанский дневник / Лапин Борис Матвеевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 225 с.

ISBN 978-5-519-92456-6

ISBN 978-5-519-92456-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

полуострова Аляски и Британской Колумбии составляют лишь продолжение цепей Манчжурии и Камчатки.

Теперь, когда все дальние страны достижимы для меня, мне начинает казаться, что поездка по океану — незначительная туристическая прогулка. Океан больше не воплощает бесконечность пространства, обтекающего населенные земли. Он не подавляет меня. Он открыт для меня, а ведь огромным может быть только неизвестное. Океан не кажется мне больше непомерным. Он просто довольно велик.

В конце концов, это всего-на-всего внушительных размеров пруд, где с солидной быстротой носятся насыщенные ветром штормы. Неужели в глазах наших предков он был краем света, где живут люди с лицами на груди и песьями головами? Я не вижу ни одного человека с песьей головой. И вот я начинаю смотреть на океан равнодушно. Вода как вода. Зеленое трясущееся желе — и больше ничего.

Сам по себе океан не представляет для меня интереса. Я хочу видеть и узнать людей, которые расселились по его берегам. Для них он является домом. Таким же домом, как для нас наша земля—однообразная, соломенная, гладкая, как зипун. Этот дом населен людьми разных наций и рас. Может быть, когда-нибудь этнографы решат, что обитатели его берегов, антропологически несхожие друг с другом, принадлежат к единой, океанской культуре и представляют собой один народ. Для меня в этом, впрочем, нет никакого сомнения.

Панамский канал и Малаккский пролив — парадные входы океанского дома. Там пароходы идут густо, как баржи на большой судоходной реке. Их флаги пестры и борты раскрашены с провинциальным и тропическим безвкусием. Дымы пароходов поднимаются, как трубы фабрик. И море — точно Бельгия или Англия, на каждом квадратном километре воды полно человеческой суетой.

Берингов и Магелланов проливы — чёрные ходы океана. За ними задворки мира. Пустынные воды, наполненные китами и плавающими льдами. Одинаковые люди — смуглые, с жилистыми шеями — ловят в них рыбу и стреляют головастых тюленей на прибрежных рифах. И если бы патагонец с Огненной Земли увидел эскимоса с мыса Барроу — он подал бы ему руку как брату.

К началу нового века не было ни одного закоулка на земном шаре, куда не проникли попы, солдаты и вояжеры торгового капитала. Деятнадцатый век знал упившихся «огненной водой» дикарей, голых негров в галстужке и цилиндре, каннибалов, поджаривающих миссионера с пением благочестивых гимнов. В двадцатом веке цивилизация окончательно впилась в жизнь дикарей. Может быть, и до сих пор в лунные ночи каннибалы бьют в барабан и уходят на середину леса приносить кровавые жертвы богу Брюха. Их женщины, стройные, вислогрудые, с обручами в носу, полируют пемзой черепа убитых врагов и поют свои каннибальские колыбельные песни. Внешний быт их остался таким же, каким он был у их «неимеющих истории» отцов, и, однако, самые основы их существования изменились. Исчезли старинные промыслы, истощились охоты, заброшены старые орудия сражений и военные уловки борьбы за жизнь. Каннибалы поступили на службу в фактории, и, если завтра на острова Тихого океана перестанут приходить европейские корабли, туземцы умрут с голода.

Все установления их обычного права, законы их семейного уклада, даже там, где они сохранились, получили другое значение. Простой и лишенный лицемерия взгляд на половую мораль, здоровый и естественный в тесном кругу туземного лагеря, превратился в жалкую и отвратительную проституцию, часто являющуюся основным источником существования. Прежний первобытный коммунизм сменился пра-

вилом — каждый за себя. Обычай давать и получать подарки вырождается в назойливое попрошайничество. На место гомерических обжорств, где пили забродивший сок растений, приходит белая горячка и унылое пьянство. Трагедия существования всех этих живущих *под крупом цивилизации* народов и племен — в их жестокой и неумолимой зависимости от европейцев, созданной императорами биржи и конторскими конквистадорами. Бесполезно было бы освободить плоскогубых островитян Меланезии или «тюленьих» иннуитов и предоставить их самим себе. Они быстро погибнут. Единственный для них способ борьбы — воевать с колонизаторами их собственным оружием, усвоив новый бытовой и хозяйственный уклад. Победят в конце концов народы, пережившие революцию в экономике и выделке орудий труда, в то время, как племя, только приспособившее свой быт к цивилизации, после вспышки восстания придет на фабрику выменивать клыки и шкуры на сахар, патроны и муку.

С давней поры меня томило желание узнать, что представляет собой часть человечества, населяющая Тихий океан. Я не оговорился. Именно населяющая океан, а не живущая у его берегов. Те, кто кормится океаном и по милости океана. Морские люди.

Я начал вести предлагаемые заметки с первого дня своего путешествия и вел их в течение всего лета и осени 1928 г. у берегов Америки, Японии и Восточной Сибири. Разумеется, я с самого начала имел в виду использовать свой дневник для книги. Это, вероятно, отчасти сказалось на моем отношении к виденному. В данной книге, однако, я не использовал весь материал целиком. Во избежание повторений я счел целесообразным исключить всю первую часть пути.

Печатаемый текст разделяется на три тетради. Я вносил записи без определенных сроков, по мере того, как накапливался достаточный материал. Надо заметить, что маршрут путешествия был неожиданным для меня самого.

Я был принят Всекохотсоюзом на службу в полярный город Средне-Колымск, в качестве сотрудника пушной фактории. Это было в середине мая. Я опоздал на пароход, отправленный Совторгфлотом в Колымскую экспедицию. В виду этого, мне пришлось избрать несколько необычный маршрут. 11 мая 1928 г. я выехал из Владивостока грузо-пассажирским пароходом «Улангай».

Крайним пунктом рейса значился мыс Дежнева в Беринговом проливе. Там я должен был высадиться и ожидать прибытия зафрахтованных Госторгом для завоза некоторых американских товаров в Колыму шхун полярного мореплавателя Олафа Кнудсена. Этот маршрут был мной выполнен.

Многим, вероятно, известно из газет, что целый ряд стихийных обстоятельств: небывало-ледовитый год и суровые штормы помешали Кнудсену добраться до Колымы. Одна из его шхун зазимовала во льдах, а другая принуждена была вернуться в Америку, отложив намеченный рейс до будущей весны.

Настоящая книга содержит рассказ о моей жизни на Чукотском полуострове и о поездке на шхуне Кнудсена в Америку. Из путешествия по Японии я сохранил в дневнике беглое описание Курильских островов и Хоккайдо, находящихся в стороне от больших океанских дорог. В некоторых местах этой книги я умышленно изменял имена упоминаемых лиц. Это дало мне возможность придерживаться портретного сходства.

Путь до Дежнева был долг и утомителен. Лесистый Урал, степь Западной Сибири. Безоблачное Забайкалье и мокрая Уссурийская тайга. Благоустроенная, как швейцарская гостиница, Япония; дикая Камчатка, дымящаяся белоснежными сахарными головами вулканов. Командорские острова, где по селениям алеутов ходят прирученные, как собаки, голубые песцы...

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Советско-американская граница,
16 июля 1928 г.

Я открываю новую тетрадь дневника. Чорт возьми! Моя старая автоматическая ручка решительно не пишет. Не понимаю, что с ней могло случиться. Ее капризы очень некстати как раз сейчас. Эскимосы толпятся у входа и следят за каждым моим движением. Они решат, пожалуй, что я и вовсе не умею писать. И вот я набрасываю свои заметки карандашом.

Сегодня утром ушел пароход и оставил меня на берегу. Я сижу в домике науканского учителя. Маленький колченогий стол, книги, на полу грязная, желтая медвежья шкура — вот все, что здесь есть.

В шесть часов утра я увидел мыс Дежнева за кормой нашего парохода. Прибой швырял скользкое белое мыло в холодные ребра чукотской земли. Высоким гремучим валом окатывал острые края скал. Капитан дал мне бинокль. Да, американский берег ясно виден! Вот, слева, впереди, высокий и тяжелый, как огромный утюг, остров. Это остров Святого Диомида. Один из двух островов, между которыми проходит политическая граница СССР и САСШ. На островах живут эскимосы. Их разделяет узкий пролив в три километра шириной. Со странным чувством я вглядывался в этот берег. Всего год назад, в это же время я был на Памире и ехал на приземистом горном коне через подоблачные ледяные пере-

валы. В первый раз, остро и неотступно, меня охватило ощущение всей необъятности и огромного простора нашей страны.

За островом Дионида видны синие и плоские горы американского материка. До него отсюда пять часов хода.

Пароход отдал якорь. С мрачным скрежетом задвигалась цепь лебедки. По палубам отдался гулкий, бурчащий звук, похожий на гудение водопроводных труб. От борта к борту поползла медленная, неуклюжая зыбь, тошнотворно, как морская болезнь.

Селение, у которого мы остановились, лепилось на откосе, угрюмое и разбросанное по крутому склону горы. Я вытаскиваю из кармана карту. Этот мыс—восточная оконечность старого света. Имя селения — Наукан. С парохода оно кажется вымершим, и в нем не заметно никакого движения.

Рыжий человек с заносчивым и насмешливым лицом и нашивками на рукаве подошел ко мне.

— Здравствуйте, товарищ ревизор! — крикнул я. — Когда высадка?

— Собирайте вещи! Приедут эскимосы — заберут вас.

Я вернулся к себе в каюту, чтобы переодеться и сложить вещи. В этой каюте мне пришлось прожить сорок дней. Как невероятно, что я, наконец, ее покинул.

Сорок дней! Впоследствии я буду их вспоминать с отвращением. Так, по крайней мере, кажется мне теперь. Выброшенные из жизни дни. Подумать только, что в течение сорока дней подряд я выходил по установленному звонку на обед в кают-компанию. После обеда сонно бродил по палубе, загруженной досками и рогатым скотом для бухты Святого Лаврентия. Как раз над моей каютой на палубе были размещены коровы. Во время волнения они металась и бились о загородку и катились куда-то вбок, как бочки. Как только

шторм, над моей головой раздавался ровный стук. Удар волн, плеск, тяжелое скрипение, словно кто-то протаскивает от борта к борту большие бревна.

После неизбежной прогулки по палубе, я забегал на полуют — посидеть в ленинском уголке, где сменившаяся вахта играла на гармошке и рассматривала старые московские журналы.

«Улангай» шел с заходами в Японию, на Камчатку и на Командорские острова. Короткие перерывы в утомительном однообразии путешествия.

До Анадыря, впрочем, у меня было развлечение — вытягивать правила чукотского языка из туземца, ехавшего на родину из Ленинграда. Он учился на факультете северных народностей. Сговориться с ним было не легко, но моя настойчивость вознаграждена. Через три недели занятий я заметил, что щелкающий и шипящий язык чукчей перестает быть мне чужим. К сожалению, мой учитель в Анадыре слез и отправился куда-то в глубь страны, к своим родным, кочующим возле Усть-Белой.

В каюте, куда вошел я, на никкелированных крюках висели две спальные койки. На потолке горела электрическая лампочка с пыльным исцарапанным стеклом. Ее свет казался слабым и жалко никчемным. Сквозь иллюминатор в каюту полз холодный белесый туман расвета. Сосед боялся, что в его уши заползут тараканы, и лампочка должна была гореть всю ночь. На «Улангае» неизмеренно много тараканов. Они суеются на стенах, койках и диванах, выползая из темных углов и жирно шевеля усами. Дальневосточная контора Совторгфлота не очень заботится о своих пассажирах.

Сосед мой еще спал и, разинув рот, храпел на нижней койке. Лицо его было желтым и неприятным. Раскрытый рот делал его бессмысленным, как остановившийся будильник.

Свет электрической лампочки смешивался на этом лице со светом иллюминатора.

Мой сосед по каюте — пароходный почтовый агент. На его обязанности лежит доставка на берег, во время стоянок парохода, запечатанных кожаных мешков с письмами. В остальное время, в течение всего рейса, ему нечего делать. Он по целым дням дремлет, лежа на своей койке.

Из всех рейсов, с которыми ему приходилось ходить, он почему-то запомнил только один и постоянно говорит о нем.

— А вот в Шанхае, когда стоит пароход, сейчас же подплывают шаланды с китайками. Официально говорится — как будто за грязным бельем. Их зовут «чини-чини». На самом-то деле...

Он любит вспоминать о том, как «шли они раз в Карльтон с Сенькой Полубабкиным, которого звали во Владивостоке главбуз, и под'езжает к ним лампац, то-есть, значит, рикша. Сенька мой так нагазовался, что решил — слезай ты, брат! садись, я буду тебя возить. Рикша, конечно, заупрямился, туда-сюда — не хочу. Сенька нацелился. Каак тэрц ему промеж рог!»...

За сорок дней мы нестерпимо приелись друг другу. Я очень рад, что мы, наконец, расстались. Самое неприятное в таких людях, что, проводя с ними время, невольно начинаешь им поддаваться. Последние недели я замечал, что перенимаю его манеру разговора, смеюсь его назойливым шуткам...

Может быть, он и не так плох, но он мне надоел. Все, что он рассказывает — плоско и обычно. Его слова оставляют неприятный осадок и выдыхаются, как скверное пиво. Говорит он всегда с прибауточками, на фасонном матросском жаргоне. Женщин он называет «устрицы», без различия положения и возраста, сухопутные жители «стервь» и «гады», моряки — «кобылка». Он был военмором и сохра-